

Николай РУМЯНЦЕВ

СОБСТВЕННИК
МЕЛОЧЕЙ

Николай Румянцев
Собственник МЕЛОЧЕЙ

«Издательские решения»

Румянцев Н.

Собственник МЕЛОЧЕЙ / Н. Румянцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962457-4

Автор рассеивает буквы по городу, по улицам, они, эти буквы, прилипают к подошвам, к спинам прохожих, к колесам трамваев, их задувает ветром в приоткрытые двери библиотек, и потом он читает их, читает и записывает, читает и чувствует — никакой теории вероятности, только, история вселенной в глазах одного человека. Его трудно воспринимать по-другому — он в городе, он живет сквозь него. Он Собственник Мелочей, и все остальное является только формальным подтверждением этого. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962457-4

© Румянцев Н.
© Издательские решения

Содержание

Почти предисловие	8
Книга I	10
Как должно	10
«Это всего лишь гравюра на черном камне...»	10
«Где-то в городе, где метель...»	11
«Может быть, она та...»	12
«Старинной музыки неньнешний простор...»	13
«Сегодня солнце длилось три минуты...»	14
«...прими как должно и поминай, как звали...»	15
Улисс	16
1	16
2	17
3	18
«И вот мы – такие же вечные...»	19
«Из последней суеты – да в бега...»	20
Король Лир XX в.	21
«Мы к вечеру находим путь в привычке...»	22
«Признавая первенство за мелочами...»	23
«Колесованный вечным транспортом...»	24
«Существуя в правилах игры...»	25
«Это слепое соло...»	26
Книга II.	27
«Панночку выдадут замуж за пана ...»	27
Рельеф ладоней	28
1	28
2	29
3	30
4	31
5	32
6	33
7	34
8	35
9	36
10	37
11	38
12	39
13	40
14	41
15	42
16	43
17	44
18	45
19	46
20	47
21	48
22	49

23	50
24	51
25	52
26	53
27	54
28	55
29	56
30	57
31	58
32	59
33	60
34	61
35	62
36	63
37	64
38	65
39	66
40	67
41	68
42	69
43	70
44	71
45	72
46	73
47	74
Auto da fe	75
1	75
_____	75
Еретик	75
_____	75
2	75
Будни	75
_____	76
3	76
Историческая справка	76
_____	76
4	76
_____	76
Голем	76
5	77
Нерон	77
6	77
Гладиатор	77
7	77
Старьевщик	78
1. A posteriori13	78
2. Закрытие	78
3. Периметр	78
4. Шаги	79

5. Aut nihil14	79
6. Монета	79
7. Приключение	80
8. Ящерица	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Собственник МЕЛОЧЕЙ

Николай Румянцев

© Николай Румянцев, 2019

ISBN 978-5-4496-2457-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти предисловие

Стол, покрытый зеленым сукном, с серыми блестящими пятнами от локтей, затиравших его год за годом, ключья табачного дыма плавают над головами, запах алкоголя, пустые стаканы, пепел, классическая засаленная колода карт и несколько человек вокруг стола. Время от времени слышно звонкое «тррррр», тишина, щелчок – громкий выдох, нервный смешок... они играют в русскую рулетку. Револьвер и один патрон.

Его среди них нет.

Его нет среди них и быть не может.

Он, скорее, из злой шутки о японской рулетке – пять мечей для харакири, четыре из которых тупые. Причем играет он один. И вряд ли острый меч хоть раз оказался в его руке.

Так он пишет.

Точнее, так он живет.

Он стоит рядом с тобой на автобусной остановке, быстро курит, неторопливо переступает с ноги на ногу. Он рядом с тобой что-то покупает в магазине. Он случайно задевает тебя плечом на эскалаторе. Он проходит мимо твоего дома. Он... скорее, его призрак. Или – или признак его присутствия?

Вспоминается Иржи Грошек – «по теории вероятности, надо вырезать побольше букв и разложить их на огромной сковородке. И подбрасывать, подбрасывать... Рано или поздно из этих буквиц сложится...» Он же рассеивает буквы по городу, по улицам, они, эти буквы, прилипают к подошвам, к спинам прохожих, к колесам трамваев, их задувает ветром в приоткрытые двери библиотек, и потом он читает их, читает и записывает, читает и чувствует – никакой теории вероятности, только сознание, ощущение, память, история вселенной в глазах одного человека – «повторяя себя я опять совершаю обряд/ обряд совершаю/ совершаю обряд». Его трудно воспринимать по-другому – он в городе, он живет сквозь него, сквозь него чувствует. Временные рамки, погодные явления, правила вежливости, геометрия и география – любовь, грусть, усталость, ирония, досада – абстрактное и конкретное – он Собственник Мелочей, и все остальное является только формальным подтверждением этого. «Подожди/ дай подумать/ что это?! небо?! давно не встречал» – знакомься, вот он. Считает количество кадров. «Психоанализирует» Улисса. Корчит рожи последнему лондонскому палачу (сам тот еще доктор Джекилл и мистер Хайд). А над ним Стикс и пирамиды. Или – или это просто прорвало канализацию вверху одной из стареньких улочек Подола? Не все ли равно... он вернется в свой формальный «дом», ибо дом в понятии «адрес, стены, место» для него – не более, чем формальность...

А дома диалог:

– Past Imperfect – «прошедшее несостоявшееся» – интересно, есть ли такая временная форма?

– Нет.

– Значит, я ее придумал.

– Ты ее прожил.

И я запомню этот разговор. Запомню, как запомнила его режущиеся крылья, как запомнила его боль и секреты, его воспоминания о любви и нелюбви, его «Рельеф ладоней», как запомнила его Старьевщика, как запомнила Цезаря, кусающего стилос, как запомнила Навина, говорящего с Хавой – я запомню его таким. А другим он и не будет. Целым куском – «... графика города/ которую узнавал/ при помощи ног/ ежедневно/ (следовательно/ каждый день». С л е д о в а т е л ь н о – то есть с л е д у я, в его случае – из пункта «аз» в пункт «ять». Пошагово. Побуквенно. Создавая свои летописи. Свой Imperfect.

Он обучается науке не помнить. Его поэзия— auto da fe. «И совсем близко, немного фальшиво – медно и долго – Шопен».

Я читаю его книгу...

Дарья Иванцова

Книга I Как должное

Как должное

«Это всего лишь гравюра на черном камне...»

Безобразный поезд обескровлен...

М. Беловская

Это всего лишь гравюра на черном камне,
где изувечены ретушью правила трещин —
вещи в себе разумеют штрихи,
и пока мне
кажется вечностью то, что намечено резче.

Дом не забыт, но, как совесть,
брошен, и брошен
на произвол матерей или женщин любимых...
Капли дождя фонари долго надвое множат,
поезд привычки спешит
и проносится мимо

всех остановок – вокзалов и маленьких станций,
где бы сойти и остаться. Но время торопит —
движешься дальше по рельсам,
как в медленном танце.

Полночь звучит и часы боем пасмурным топит,

будто нездешний. От выси, с высока-высока,
из непонятного, то, что ночами пугает.

Вскинешься. Кликнешь... Кого там?

Ни черта, ни Бога.

Только метель словно дворник, следы подметает...

«Где-то в городе, где метель...»

Где-то в городе, где метель
оставляет свои шаги
робким звоном – к беде, к беде
(из огромной скупой руки

это быстрое серебро,
как привычка к чужим словам) —
беспричинное зло-добро,
или истина пополам.

начинаю к иным быть прав,
вероятно, что от любви...
Недосказанное – «пора»,
и не понятое – «привык»...

Забываюсь. Но вдруг больной —
и без правил, и поделом...
...а за окнами снег слепой,
в белой лодке, с одним веслом...

«**Может быть, она та...**»

Может быть, она та,
которую полюбят потом...
– Потом? – спросила, – А это когда?
В который час? Под который гром?
Потом декабрьская звезда,
потом ошалелый глухой перрон,
потом шершавая ткань листа
и тихий, чуть странный, чуть слышный звон
как стон, как полудетский сон...

«Старинной музыки ненынешний простор...»

Старинной музыки ненынешний простор,
как украшение звездного пространства —
и возвращенье из далеких странствии
ее глубокий полуразговор,

чуть слышимый, почти незаменимый,
чуть знаемый среди моих миров,
когда уходит солнце из дворов,
в китайской лодке проплывая мимо

проросших зерен городских холмов.

«Сегодня солнце длилось три минуты...»

Сегодня солнце длилось три минуты
на пашнях свежескошенного льда,
и в позабытых Богом городах
мелькали тени детской смуты.

Так шел распад —так звучилась кантата
замерзшей и заснеженной земли,
последний довод били короли,
окучивая небо ватой...

...так шел распад – как Каин к смерти брата.

«...прими как должное и поминай, как звали...»

*Реальность спешит, проявляет себя вовсю,
(...) вот тут-то мы (...) и срываемся с
цепи – словом, пускаемся во все тяжкие.
Х. Кортасар*

...прими как должное и поминай, как звали
по имени, в последний срок зимы,
коль города заснеженное ралли
запляшет, засмеется в скобках тьмы —

умыться кровью, право, не наука,
так долго ждать, чтоб кончилась капель,
так долго ждать усталости и звука,
Протяжного, как спелая свирель...

...остаток дня на кухне и за чаем,
остаток солнца, скрытого на треть —
но женщина с упрямыми плечами,
но. Господи, как хочется посметь

пуститься во все тяжкие, как в прорубь,
как в прорванное небо свысока,
поставить точку в новом приговоре
пощечиной метро и пятака.

...так, при смерти, становишься богаче.

Улисс

1

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса...
О. Мандельштам*

...верно, можно любить Итаку
лишь вдали от самой
Итаки... – А сегодня здесь все знакомо,
даже сны много лет не снятся.
– Где Улисс? – Несомненно, дома. —
Он давно перестал скитаться,
успокоился. – Сыт и скучен.
Сын да женщина, кот и слуги,
приносящие постный ужин.
Перед трапезой, вымыв руки,
он садится к столу, зевает,
смотрит на море...

2

День без памяти. Ночь без греха.
Тело города схвачено мелом...
Время, снова слоняясь без дела,
порасть серебрянностью мха,

утопая в страницах Гомера
(о, бессонница – рай для души),
ничего не пытаться вершить —
да и к вечеру кошки все серы,

закурить, захандрить, но опять:
– Что вам Троя, когда б не Елена...
И на весла нависшая пена
Афродитой намерена стать.

3

Поздно судить по вере,
рано сводить к рублю —
верили на премьерке
древних, как мир, «люблю».

Верили... было... В осень,
в пристнозабытый год —
словно слепые осы
бились о стройность сот,

претерпевали муки
хрупкие корабли...
...мимо Итаки, в скуке,
вдруг повернул Улисс.

«И вот мы – такие же вечные...»

И вот мы – такие же вечные,
но убегающие от вечности
в маленьких судьб хрусталики,
в воспевань своих усталостей,
в шумных улиц крикливую проповедь
и во блуд перекрестков топтанных,
в тарабарский язык трамваев,
забываясь и вспоминая —
не себя, но кого-то близкого,
в черном небе, рассыпанном искрами..

«Из последней суеты – да в бега...»

Из последней суеты – да в бега,
из прелюдии весны – в дым-угар,
из усталости дождя – в пустословь,
из пощечин мостовых – да в любовь.
Я не знаю. И знать не могу...
Я не помню... и вдруг навсегда —
человек на холодном снегу
и над ним вороньем провода...
...и опять, то ли вплавь, то ли вброд,
уходить под Тамбов да в народ...

Король Лир XX в.

Что это – крик? И вдруг не понимаю...
Больной старик в больном плывет трамвае,
больной старик, по городу, по кругу —
наверно при смерти, от дочерей к испугу...

...в распахнутом поношенном пальто —
больной старик – из сумерек в ничто.

«Мы к вечеру находим путь в привычке...»

Мы к вечеру находим путь в привычке
к смешению улиц в поисках тепла
и походя берем себе в обычай
непостоянство птичьего крыла...

...все суета – опять с Екклесиастом
играю в лица.

«Признавая первенство за мелочами...»

Признавая первенство за мелочами,
сжимаешь пространство в размеры точки,
покой находишь в стакане с чаем,
сигаретах, спичках.

Иною ночью

можно долго еще голосить в пустыне
(только дождь за окном – это значит к лету),
можно, попросту в небо бросать монеты, —
у китайского бога просить совета...
Можно... может быть, даже нужно —
но, опять возвращаясь к своим святыням,
ставишь чайник, глотаешь холодный ужин,
смотришь в улицу. – Прочерк. – Лужи.

«Колесованный вечным транспортом...»

Колесованный вечным транспортом,
четвергованный перекрестками,
город вновь воскресенье празднует,
город вновь одинок под звездами.

В полночь просторном улицы
соберутся на старой площади,
не гадая, о том, что сбудется,
одинаково непохожие...

«Существова в правилах игры...»

Существова в правилах игры,
проживая слово, как обычай,
признаешь, что ты давно привычен
принимать заботы, как дары —

принимать потери, как сознание
перехода в новые миры,
где ждут чуда, словно оправдания...
Существова в правилах игры...

«Это слепое соло...»

...зато на воле.

Д. Бураго

Это слепое соло
для суеты с оркестром —
то ли на сердце голо,
то ли в трамвае тесно...
...новых искать пророчеств
улицами пустыми,
стрелкой смешаться с ночью,
звезды терзать, как вымя
Ромуловой волчицы...
— Злобными и святыми...
— Что-нибудь, да случится —
Новое, может. Имя?

Рельеф ладоней

*я был допущен к изучению
утраченных крыльев...
С. Шаталов*

1

любовь —
 только повод для разговора
 о всевластии времени
небольшая попытка прорваться
 за рамки
 тик-так
этой мелодии
 пульса
 шагов
 и трамваев
спор со старым Хароном
о наличии берега вне парома —
как дать понятие суши ноге
 никогда не ступавшей на землю? —
старик перевозчик не склонен
 вдаваться в подробности смерти
просто плывет по течению
 мутно зеленой воды
любовь – только повод

2

ты поверила солнцу
поскольку есть небо
 и знаешь
что окна лоснятся без света
ты теряешь следы
 по которым проходишь —
в повторении улиц
 есть чудо привычки
ты пытаешься встретить свое отраженье
понимая
 что нет к тому оснований —
город снова предаст
он иначе не может
 признаваться в любви
как запутав в кварталах
 позабыв по кофейням
 растеряв по квартирам

так меняется время и шорохи листьев
так становится больно
так режутся крылья

3

я опять совершаю обряд
до ненужности прочный
знакомый —
слепых пешеходов закон
многозначность дает тишину
и троллейбус приходит
и время
сжимается в белый кружок на руке
римских цифр перепончатость
жесткая логика знака
познает неосмысленность правил
повторяя себя я опять совершаю обряд
обряд совершаю
совершаю обряд

я опять

4

игра в поддавки
зеркало знает себя как реальность
меня свой мир
 если стул стоявший в углу
передвинуть к окну
принимая условия бега
 в стыде и привычке
называешься именем
 имя – начало зеркал

5

такое небо я еще не видел
...такое небо —
 странное
 густое
где сквозь туман идет осадок красный
завязанного солнца
 в черный узел
ночных дворов
 с измятыми домами
и перестрелкой желтоглазых окон

6

математика
день прошел
 между
двумя троллейбусами
 встречей
с любимой женщиной
стаканом чая
 десятком сигарет
и тремя театральными билетами
кем-то брошенными на тротуар

7

ладонь в ладонь —
 как в зеркало
это право на небеса
 лежащие у ног
молчаливая мудрость
 не имеющая оправданий
начало запаха
 или мелодии
резная травинка
 слезящийся глаз дельфина
ресница на твоей щеке
загадывай —
 сбудется

8

уходим
по ту сторону Города
 а кто вернется
 назовется Орфеем
поскольку теорема веры
выводится из утверждения
 недоказуемости
и является продолжением
 существования
 во множестве дней
прожитых с завязанными глазами
в чашечках кофе
 в домашних шлепанцах
в осознании себя в памяти
телефонный звонок
отрывает от сна
credo, quia absurdum¹

¹ Верую ибо нелепо (лат.)

9

на времени заезженной пластине
вращается две-три знакомых фразы
какой-то музыки
какой —
 не помню
да это несущественно
а рядом
рев города
 и желтые глаза —
как будто сумасшедший
 или пьяный
художник
 наносил их на холстину
забыв
 что существует перспектива
 не ведая оттенков и теней —
автопортрет —
 смятение или скуку
изображая с помощью двух красок
 желтка и сажи

10

там где слово становится мертвым
 после рождения слуха и языка
 в угловатых квартирах
в которых люди смешные
 настолько смешные люди
что пытаются плакать
 кричат в неумении слез
рассмеяться по лицам

11

но без тебя мне Имя – Суета
я провожу в кофейнях четверть жизни
и меряю часы осадком гущи
на доньшке

я пробую слова
на вес
на плотность
убиваю буквы
пытаюсь разгадать все смыслы неба
в неясных
незнакомых глазу знаках

как древний жрец
я жертвы приношу
беспамятным богам
немилосердным
ищу ответ
и вижу неизвестность
неистребимость нового Сократа

но без тебя мое обозначенье
прозвание в ученых миражах
в развалинах любого алфавита
проносится не оставляя след —
tabula rasa²

² Чистая страница, пустое место (лат.)

12

мир деленный на множество многих
потерявших доверие
 к собственным бедам
кочующих в комнатах
 от часа к часу
от улыбки
 к сомнению
 от Бога
 к смерти
присутствую при рождении чуда

13

как походку слепых
неуверенной острой резьбой
за ударами трости
 в фаянс тротуара
повторяет моя тишина
города сквозь которые прожил

15

новый город
еще чужой
еще не сросшийся
своим именем
 с твоей походкой
жадный на чудеса
привыкающий ждать
 в переходах и на мостах
лгуший каждым кварталом
что здесь...

безошибочно просто не верить

17

огромная кошка пространства
черная кошка
 с голубыми глазами
пушистый комок темноты
 живущий в кварталах времени
 на его крышах и чердаках
 у водосточных труб памяти
кто знает —
 возможно что здесь
начинается тишина
вздохов и сновидений

18

ты бросаешь монету
 пытаешься перелукавить закон
чет и нечет случайности —
небо ложится к ногам
как барбос
у которого много хозяев
 и нет властелина —
твое небо
такое как ты загадала
 цветное
в детских страхах и молниях

ты улыбаешься
снова но пол бросаешь монету

19

как повторение урока
зубрежка старого маршрута —
по переходу
через площадь
в колодец
к празднеству Гермины³
в холодной утренней простуде —
в побег за смехом
в перебранку
с увесистой скрипучей дверью
с пролетом лестницы
привычка
становится хозяйкой правил

как повторение урока

³ Героиня романа Г. Гессе «Степной волк» Героиня романа Г. Гессе «Степной волк»

20

вне твоих ласк
я заклинаю время остаться слепым
и по закону слуха
ввериться продолжению
вопросительного оборота
обойтись
 без прилагательных и запятых
пройти тишину
 как проходят по качающемуся вагону
вырасти в расстояние
между омегой и альфой
книжной полкой
 дверью
 кактусом и столом
которые еще помнят

21

город лестниц
разбитое чудо окна
ты идешь по периметру Бога
по праву
идущего сквозь запятые
Бог есть скорбь по любви
остановка вне дома
без вдоха
снег у солнца
причина сомнений

еле
слышен мотив под зубами
та-ра-ри
 та-ра-ри
 та-ра-ра

22

как связать воедино
время
 распадающееся на минуты
кошачью тишину комнаты
книгу
 брошенную под кровать
снег на улице
привычку
 к шагам
 сигаретам
 метро

как связать воедино

медленно сходишь с ума

23

сегодня день Солнца —
день Солнца —
 как день отражения дня
усталость забавится с нами —
усталость играет в любовь
как можно
играть без закона
 и сниться
пощечиной времени
ты оставляешь приметы
чтоб я не забыл этот образ
в глухой подворотне
смесь кофе
и долгого часа

ex nihil⁴
сегодня день Солнца

⁴ Из ничто (лат.)

24

волос любимой женщины
эхо вчерашней ласки

запрещенный прием —
вспоминать губы
руки
жасминовый запах прически
тормозить непрерывное время
кричать темноте
что любил
как сорок тысяч братьев не могут

пустое

уходит почти незаметно
тихо как тень

забываешь проститься

26

стынет чай на столе
свет погашен в квартире
облака над дорогой

27

как отчество произношу
вломившийся в глаза цветок
окно
– умею ли летать?
смотрю на пальцы
чувствую удобство спокойного дивана.
ожидая...
нет не жду —
 ни губ твоих
 ни теплого молчанья
пью кофе и пускаю дым

так произносят небо

28

проходные дворы
лишь начало пути
 в странствиях по знакомым улицам
от квартала
 к кварталу
от любимой женщины
к ближайшей кофейне
в которой находишь свое ощущение времени
примостившись за маленьким столиком
вспоминая ее отражение
 на рельефе своих ладоней

29

обхохатывать вселенную
потому что привычно
допустим
иметь выражение лица
допустим
тогда
выполняя условие уравнения сумасшествия
дальнобойным смехом разрушать одиночества
разрушая иных
разрушеньем себя

обхохатывать вселенную

30

темнота неслышимо
мягко
 как кошка
готовящаяся к прыжку
вкрадывается в город

где-то
в колодце неба
повис седой лист клена

дождь переходит Лету
напевая какую-то мелодию
оставляя осенние буквы
на чистом листе бумаги

31

– мы с тобой начинаем любовь
потому что еще не умеем
звать друг друга по имени
ждать повторенья чудес
или просто молчать
 у подножья следов
уносящих кино сновидений
за преграду закона и правил
верить суетным окнам
 НО
открывая ступени
глаз и вздохов
привычек и дней
проведенных в метро
среди улиц
 книг
 усталостей
 поиска неба
в сердцевине вселенной
в надежде на . . .
– в надежде на что?
– мы с тобой начинаем любовь

32

обрастаю дождями
как будто пытаюсь верить
 учусь доказать
понимание времени сквозь ладони
так срастаются плотью
смешивая имена
 забывают слова
забывая срединные буквы
эти буки и веди
города и стены
за которой обещана встреча

срываюсь в молитву

33

в гулкой осени
время умолкло
от разрыва секунды
я на кухне повесил часы

34

хочу позвать твои руки
частицу тепла
 живого прикосновения
голос блуждает
среди островов глаголов
не зная
 какой из них гавань
и риф восклицаний
врезается в ватерлинию горла
хочу позвать твои руки

совершенная форма бесплодна

35

продолжая свой путь
по сонному городу
от немой остановки
мимо магазина
 направо
 на энный этаж
 энного дома

оглянешься
в поисках Эвридики
увидишь скользящую точку
ведущую
в тартар привычек
 к ожиданию Бога на кухне
 к тяжелой дремоте часов
 к смертельному чувству
 тревоги
за маленький обитаемый остров

из долгого возвращения
 легких шагов
 сквозь периметр комнаты
продолжая свой путь
per aspera ad astra⁵

⁵ Через тернии к звездам (лат.)

36

утром
день легкий —
 поднимешь
 его на мизинце
вечером
руки болят

37

город устал
от бесконечной сумятицы
от топота ног
и шуршания шин
городу очень хочется отдохнуть
он набрасывает на себя
черное покрывало
и зажигает фонари

город всегда спит
с открытыми глазами

38

я узнаю черты твоей походки
как узнают дожди
по вязким струям
по каплям неба
в разноцветных лужах
 в раскатах надвигающихся молний
я окрыляю связью наши руки
и принимаю нитью Ариадны
взъерошенный комок твоих волос
 твою привычку
 обхватив колени
 смотреть в окно на голые деревья
я совершаюсь
ты уже свершилась
 моей любовью
в лабиринте комнат
последний издыхает Минотавр

39

многоножка улицы
тянется в ночь
и день обезлюдел

40

принимаю форму дождливой скуки
развлекаюсь тем
что рисую лица
случайностей
или играю в имя
новой любви
 открывая небо
небо становится тенью смерти
смерть
 продолжая мои привычки
принимает форму дождливой скуки

41

сон отменяет время
 время сна
 несбыточно
как долгое
пока оставленное без начала утро
тем кто его ваял
 из монотонной глыбы
 из ожиданий
 и итогов мира
где снова
возвращенные слова
теряют очертанья и приметы
 где
 разбиваясь об осколки смысла
 крик продолжает слепок тишины
все тише
 тише
 тише
тише тише

сон времени

42

...и тишина разбудит твои руки
пройдет сквозь сон реальностью привычек
забытым страхом детских ожиданий
переживет расплату вдохновеньем
разрушит все начала мирозданья
захватит время
скомкает пространство
испытывая прочность наших пальцев
сплетенных в узел
далее вне тел

43

счастливый человек —
сюжет
для небольшой трагедии

44

над городом
 дождь
в глазах
 тишина
в лице
 отраженье улыбки

45

познаю твои небеса
и это действительно авантюра
самолетик запущенный в детство
возвратился на круги своя
еще можно молчать
и быть может возможно поверить
самолетик запущенный в детство
возвратился на круги своя

46

новое бегство
безбожная правильность улиц
заставляет царапать
пальцами по стеклу
ездить в троллейбусах
спать в постелях
ждать события жизни
в случайной встрече
в какой-нибудь забегаловке
после обеда
после вторника или среды
любовь зашнурованная
в правила языка
мстит повтореньем самого дорогого
невозможного дважды
повторяемого гортанью
и буквами
а, б, в,
продолжение алфавита

47

это – бесконечная попытка выжить
в забытом кафе
на окраине сумерек

это – воспоминание
о сне женщины
с которой был
и больше не будешь

это шаги
сквозь призрачность парка
где смотрит в простор
тень отца Гамлета —
желтый снег осени

крикливая сойка перелетает
с ветки на ветку

Auto da fe псевдороман

1

Auto da fe⁶ – акт веры. Единственная трактовка.

Crucifixus est Dei Filius, non pudet, quia pudendum; et mortus est Dei filius: prorsus credibile est quia ineptum est; et sepultus resurrexit: certum est, quia impossibile est.⁷

Еретик

Он так часто видел, как это делают. Более того – это была его ежедневная работа. Его имя наводило страх. Теперь роли поменялись.

Он холодно смотрел на орущую толпу. – Знакомо. Чернь любит смерть – особенно чужую. Сейчас палач зажжет факел... Сейчас...

Пламя уже лизало его ноги, когда Внушавший Ужас, первый раз за долгие годы – улыбнулся.

Если ты помнишь...

– Смута идет. – сказала ты отворачиваясь в обои.

Смута идет. Смута – смешение красок. Нечто текучее. Ртуть.

Промежуточное состояние между «быть» и «не встретить»...

2

Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.

Будни

Который день взбешенное солнце – и ни одного выстрела.

⁶ Акт веры (исп.)

⁷ Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – и это совершенно достоверно, ибо нелепо; и погребен он и воскрес и это несомненно так как невозможно (Тертуллиан) (лат.)

Окоп растянулся на многие километры. Время от времени стонут раненые. – Их так и не вывезли после боя, который окончился позавчера.

Все завшивели. И все скучают – напряженно и долго – атака может случиться в любую минуту.

Каждый день на обед перловка. Спирт иссяк в ожидании. И единственная возможность обмануть реальность – это по десять раз перематывать портянки да чистить оружие. Чистить оружие и перематывать портянки.

На дыбе человек имеет обыкновение выразить свои чувства криком. Кричит не долго – пока не потеряет сознание.

3

Память подсказывает – Ороско⁸ – «Францисканский монах молится над прокаженным». Вышел. Прошел к троллейбусу... «Францисканский монах...». Закурил – словно в другой жизни оставил...

Память подсказывает.

Историческая справка

Патер Дамиан – фламандский миссионер. В 1859 году вступил в Конгрегацию Святого Сердца и уехал в 1863 году на Гавайи, где посвятил свою жизнь уходу за прокаженными.

Умер в 1889 году от проказы.

Hier stehe Ich – Ich kann nicht anders⁹.

4

А ты говоришь о прощении. Ты все еще говоришь о прощении...

De profundis ad te, Domine, clamavi¹⁰.

Голем

Ицхок смотрел в щель между вагонными досками. – Непривычно мирная картина – на лугу паслись коровы. – Целое стадо.

Когда-то давно он слышал легенду о пражском раввине, который оживил глиняную куклу – Голема. Голем так и не стал человеком. Единственное на что он был способен – это подметать двор синагоги... Потом он кажется взбесился...

⁸ Хосе Клементе Ороско мексиканский художник

⁹ Я здесь стою – я не могу иначе (Мартин Лютер) (нем.)

¹⁰ Из бездны, Господи, взываю (лат.)

Первое, что увидел Ицхок, когда их ввели в лагерь – на специальном выгоне паслись люди.

5

Странное слово – «домой». Никак не могу привыкнуть к его звучанию.

– Дом?

– Стены.

– Место жительства?

Пересадочный пункт между годами жизни.

Нерон

Император стоял на Меценатовой башне, наблюдая, как огонь пожирает Вечный Город. «Трагедия – думал он – Вот они – бегущие люди и горящие строения. Трагедия еще не началась. Сейчас все просто спасают свои жизни. Трагедия придет потом – придет с мыслью о том, что их реальность изменилась и многого не вернуть...»

Он улыбнулся в ночь. И эта улыбка долго кружила над обугленными домами...

6

Я часто смотрел тебе в глаза. – Остановка продленности...

Завтра? – Завтра... оно еще не наступило. И когда наступит, и это будет уже сегодня.

Я смотрел в глаза.

Гладиатор

Последнее, что он увидел – палец Цезаря, опущенный вниз... На глазах змеиная пленка. Год назад... – да, всего лишь год, как Рим любил его. – Дружеские попойки... Площади... Потом случилось – и ее смерть, и нелепое обвинение.

Каменный пол. В углу немного соломы – постель. Насекомые. К насекомым можно привыкнуть. Привыкнуть можно и к грубости надзирателя и к побоям. Ко всему.

Утром тренировка – днем тренировка – ночью сон. Так и тянется. Иногда бои. – Тоже в силу привычки самосохранения – а не желание жить.

– Идущие на смерть приветствуют тебя!

Последнее, что он увидел...

7

Давний спор между Credo и Scio¹¹.

Scio? – согласимся с Сократом, – что можно знать, кроме моральных доктрин и собственного незнания?

Вот и получается – Scio quia credo. А, Credo quia credo¹².

¹¹ Credo – Верую (лат.); Scio – Знаю (лат.)

¹² Scio quia credo – Знаю ибо верую (лат.); Credo quia credo – Верую ибо верую (лат.)

Старьевщик

1. A posteriori¹³

Параллельность... Походка зеркального отражения чуть более, чем ненадолго замирает в попытке узнать... – Так приходят обряды. Приходят и становятся привычкой – тускнеющей фотографией или затертой пластинкой – еще доносящими голос и цвет, но...

– Я умею быть птицей... – сказала ты позавчера.

– Я умею быть... – ответило мое эхо.

И полет начинался без правил...

2. Закрытие

И завершив – закрыв – закончив за собой следующий Город, как дверь с несмазанными петлями – скрипучую и тяжелую – стараешься забыть, поскольку возможность помнить – провокация возвращения, невозможного по условию задачи – вернуться в то же место и то же время из которого вышел, как путник из пункта А в пункт Б.

И дождь – зрелый, как виноград – он был бы сладким, если бы не твои слезы. Вот он, падает, рассыпается по улицам, закатываясь в подъезды. И у меня в ладонях полная горсть найденного дождя. Ты плачешь. Плачешь, потому, что знаешь – вчера началось лето, захлопывая за собой окна, выживая нас из обжитых и насиженных мест, превращая знакомых в далекое воспоминание.

Ты спрашиваешь:

– Так было всегда?

А я разбрасываю дождевики по комнате, поскольку в ней должна остаться свежесть. – Плохо, если новые жильцы вселятся в пересушенную квартиру. Потом, достав из шкафа два чемодана, начинаю складывать сны. Сны еще нужно рассортировать. – Не знаю, когда это случилось, но они перепутались. И я никак не могу разобраться – чьи они. А ты зябко поеживаешься, сидя на корточках на полу и говоришь о каком-то ключе. Да, я помню – большой кованный ключ – я носил его в нагрудном кармане. Теперь это просто кусок ржавого железа... – Но я не отдам его тебе, поскольку время уходит... и поскольку...

А сейчас лето. И завершив – закрыв – закончив за собой Этот Город, как древнюю дверь с несмазанными петлями – скрипучую и тяжелую – стараешься забыть, поскольку возможность помнить – провокация возвращения, невозможного по условию задачи – вернуться в то же место и то же время, из которого вышел, как путник – из пункта А в пункт Б.

3. Периметр

Можно долго бежать по периметру. Быть молюю или находиться внутри тлеющего угля. Маленькое зернышко несет в себе расстояние жизни.

Целый месяц без голоса. Цветная картинка губ и волос. Левое крыло начало сбрасывать перья. И окопная война тянулась долгие километры прилипающих гимнастеров. Радио раздавало обещания, улыбаясь запахом французского сыра. И руки требовали прикосновения. А ты рассматривала пыльные стекла и рисовала на них странные фигурки.

Ты замолчала месяц назад...

¹³ Из последующего (лат.)

4. Шаги

Шаги по угасающему городу. Скрип-скрип. Скрип-скрип. Громкие шаги в тишину. В тишину дворов и подъездов. Далее – просто в тишину.

Вечер – серый, странный – нарисованный чертежным карандашом. Графика. Звонил тебе. Во вчера. Или нет. – В никуда. В сказку. Ослепший разговор. Слова.

– Как живешь?

– Хорошо. А ты?

– Я тоже.

Слова. – Горошины, пущенные из самострела. Разлетелись. Попадали, где сумели.

Помню маленьким был – беседка во дворе. Красного цвета. С остроконечной крышей. Сгорела. Кто-то сжег. Поставили деревянный стол. Тропинку заасфальтировали. Стучали доминошники и шаги. Глухие шаги об асфальт.

Какой-то день. центральная улица. У тебя старенькая потерянная сумочка, у меня «дипломат» той же свежести. Десять минут среди толкающихся прохожих. Они спешат. У них дела. Мы тоже. У нас тоже. Но стоим. Мешаем движению. После – тебе направо. Мне – налево. Суетливые шаги в толчее.

То ли ветер запах особенный принесет. То ли под ноги попадет знакомая трещина. И вдруг повеет. Пытаешься что-то увидеть, дотронуться. – Тишина. Дуновение детства— теплое, ласковое. – Неслышные шаги по траве.

Очень давнее. Лето. Отец – колючий свитер, колючая борода, теплые руки. Резиновые перчатки – мамины. Надуваются. Больше и больше – огромные шары с пальцами. Входит мама. – Углы. Я в одном, отец в другом. Смех. Весело. Усталые шаги в никуда.

Вчера – снег. Хлопьями. Белый, как молоко. Сегодня блестит на солнце розоватыми переливками. Красиво...

Скрип-скрип. Скрип-скрип. Шаги по угасающему городу. Громкие шаги в тишину.

5. Aut nihil¹⁴

Куда сегодня прочертим свой город? – Не доверяя транспорту – вниз... и сквозь Солнце.

Вот оно – пограничье реальности... Человек, лежащий на бровке, прикрывает голову портретом Рафаэля. – ... и мост между двумя мирами, мост маленького притока большой реки, где время-пространство делится на двое. Прореха, вбитая между Тогда и После... как момент тотального видения.

– То ли будет – то ли нет – то ли дождик – то ли снег! ВСЯКО БЫВАЕТ! – воспоминание из будущего.

6. Монета

...привилегия женщины и ребенка. Ты – и та и другая. Ребенок... Женщина... зависящая от настроения, погоды и фазы луны.

Продолжая игру – ожидаю тебя в переходах. Слушаю небо предчувствием неожиданности.

Солнце. Первый день солнца в эту весну. Магазинчик, наполненный книгами и головами – вездесущий Вавилон маленьких праздников... И ты склонилась над буквами. Волосы проливались на щеки, скрывая лицо, и руки, отложив недочитанное, долго искали что-то

¹⁴ или ничто (лат.)

в сумочке, в карманах куртки – наконец нашли. Небольшая монета – желтый кружок – воплощение случая. Так наступает мгновение мелочей и любая деталь обретает значение знака. – Пальцы бросили случай на площадь. – Орел или решка? Если орел – хорошо. Если решка... – Выпала решка, предлагая решить задачу со всеми неизвестными. – Чет и нечет любит шутить – дотронься и оглянись, выборматывая- заклинание- троллейбусов- свершившейся- встречей- с-именем- в- рассылающихся- тротуарах- дневного- и- каждодневного. Но ты улыбаешься, угадывая ответ между линиями руки и ресницами – нарушаешь закон – или ставишь вне закона судьбу – легким движением обернув монету, как было задумано – останавливаешь привычное – нарушая все расписания – в которых – черным по белому – следующее – следующее – следующее... – гарантия на невстречу...

Своей прихотью... Веселым лукавством... Привилегия женщины и ребенка.

7. Приключение

Приключение началось в четверг. Оно могло начаться в любой день – но именно в четверг.

Улица изменила направление бега и троллейбус мчался дальше, срываясь с привычного маршрута, не замечая, что движется лишь по инерции. Пассажиры переговаривались о ценах на спички и о погоде. А бородатый контролер разносил кофе и солнечных зайчиков. Проходя мимо меня, улыбнулся.

– Aut nihil¹⁵?

– Нет, что Вы – я по билету.

– Тогда возьмите картину. Очень старое полотно... Видите? На ней – одиночество.

Контролер идет дальше. А я смотрю на разбегающиеся краски, понимая, что проехал нужную мне остановку.

8. Ящерица

И опять подпольная осень. Осторожная перекличка птиц и цветы. Икебана.

Я почти разучился говорить. Вернее – не слова, а понимание. Цепь прервалась. Остались одни имена. Стекло. Стол. Смех. Только названия. Перелетные значения исчезли за горизонт. Муха. Окно. Ветер. Долгий запах истлевшей миниатюры. Память губ. Лестничный ветер невестей и невстреч. Строения времени сюрреализма и ладони, поддерживающие реку. Лампа. Что-нибудь еще... Сигарета. Электрическое завтра и эстетическое вчера. Вера в Бога, слепнувшего в книгохранилище. Разница между состояниями эха. Рот. Остановка. Расщелина. Звон рюмочной колокольни и чередование песен. Взмокшая афиша – «Спешите успеть»... Спелое яблоко на надломленной ветке... Сиреневое солнце. Ящерица разумного.

¹⁵ или ничто (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.